

Меч

СЕГОДНЯ В НОМЕРЪ

Международное положеніе.—Политическія извѣстія.
Бред сумасшедшаго. В. ЕВГЕНЬЕВ.
Возможно ли умиротвореніе Испаніи. О. ЛЮБАНЕВИЧ.
Адоэтроя. Александр АМФИТЕАТРОВ.
Король обуви І. Батя. Г. РУБАЛОВ.
Книга о единственном переворотѣ. А. КУТУМОВ.
Один, единственный. В. БРАНД.
Письмо из ОССР.
Политическій процесс на Волини.
Стихотвореніе. Вячеслав ЛЕБЕДЕВ.

ЦѢНА
20
грошей

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Р е д а к ц і я:

В. В. Бранд, Г. Г. Соколов.

Варшава, Воскресенье, 6 Іюня 1937 г.

№ 21 (157)

Адрес редакціи и конторы: Warszawa, ul. Chocimska 35.

Tel. 9.33-36. :::: Skrzynka pocztowa № 360. :::: P.K.O. 28.638

Подписная плата за 3 мѣс. 2 зл., за полгода 4 зл., за 1 год 7.50

В остальн. част. Европы 0,60 ам. цент., Америкѣ—1 ам. долл.

Объявлен.: в текстѣ 60 гр., за текст. 30 гр. за милли. стр. Перемена адр. 50 гр

„В тѣни невырубленного „Вишневого сада“

(Обзор печати)

В № 18 „Меча“, в статью Ю. Плодомасова, посвященной недавней постановке чеховского „Вишневого сада“ в Театр Польшком, автором была подчеркнута значительность этой пьесы для польского зрителя, не пережившего русского исторического опыта. Говоря о выборе пьесы, Ю. Плодомасов писал: „Постановка „Вишневого сада“ именно теперь имеет глубокий смысл, как предостережение, как напоминание о непреодолимых слабостях“.

В воскресном приложении к „Polsce Zbrojnej“ (30 мая) постановку „Вишневого сада“, известный польский публицист Ричард Врага посвятил статью: „В тѣни невырубленного „Вишневого сада““. С тою страстностью, какая объясняется важностью затронутой им темы, с тою суровой взыскательностью и горечью, какая была бы неуместна в устах иностранца и вполне законна в устах поляка, Врага выступает с обвинением против польских Гаевых, Раневских, Лопахиных, Епиходовых, предостерегает перед поблдоносным шествием польского „Грядущаго Хама“.

Коснувшись судеб послѣ-чеховской Россіи, „пятого и слѣдующих актов „Вишневого сада“, автор переходит к тому, что составляет основною мысль его статьи:

„...проблема „Вишневого сада“ не только русская проблема. Приобрѣтает она специальное значеніе и в Польшѣ, с тою только разницей, что не связана столь тѣсно, как чеховскій „Вишневый сад“, с миром помѣщиков, — а распространяется скорѣе на всю польскую интеллигенцію. Мы переживаем період, очень сходный с тѣм, какой переживало русское общество перед революціей...“

„Нѣтъ у нас ни собственного Чехова, ни собственного Достоевскаго, ни собственного Щедрина. Есть зато собственная „чеховщина“, „достоевщина“, общество своих „глуповцов“ и своих „толстовцов“.

„Польскіе писатели, литераторы и поэты всѣх типов и калибров“, по мнѣнію Р. Враги, не знают современной польской дѣйствительности, избегают касаться жгучих ея вопросов в своих произведениях, живут в своих „Вишневых садах“. Именно поэтому Чехов представляется автору столь поучительным и современным в условіях польской дѣйствительности.

„Развѣ не с упрямством Раневских и Гаевых мы закрываем глаза на все, что вокруг нас дѣлается? Время от времени кто нибудь крикнет голосом филина — „керенщина!“ — и прервет ничѣм не возмутимую тишину „спокойной польской деревни“. Не так ли, как Рыневскіе, Гаевы и Трофимовы, мы говорим с пафосом о заслугах, страданіях, о капиталѣ культуры, о цѣнностях моральных и интеллектуальных, не вѣря в сущности ни минуты в то, что говорим. Да и как вѣрить? Во что? В тот сумасшедшій перманентный умственный и идеологическій бридж, который длится без перерыва во все меньших, все болѣе затхлых и темных комнатухах, не только без выходящих, но часто и без четвертых партнеров? Играем вѣчно и постоянно все тѣ же партіи с трупами и призраками, защищая с упрямством маниаков грошевыя вольности и права каких то выдуманных свобод и привилегій, мечтаем о Парижах, Лондонах и Вѣнах, бредя во дни поверхностной диалектики и губя чувства на международные идеальчики и привязанности... Мы чувствуем себя виноватыми, что нам не под силу ни фашизм, ни коммунизм, и готовы взамен пойти на любой компромисс, на любую уступки.

„Мы повторяем худшія ошибки чуждых нам по духу и содержанию взглядов и программ. Мы изолгались, интерпретируя по ксѣйным благороднѣйшіе лозунги свободы, демократіи и прогресса, которые трактуем с точки зрѣнія собственнических цѣлей и интересов... С опозданіем на нѣсколько десятков лѣтъ мы повторяем худшія ошибки русскаго „народничества“, стыдясь признаться, что идем в деревню не с послѣдовательною программой, а в поисках политической и моральной возможности опереться на мужика, силы котораго мы боимся, вмѣсто того, чтобы уважать ее.

„Ни за что на свѣтѣ, со страшным упрямством мы не хотим быть великим народом... Мы не вѣрим в собственные силы. Не чувствуем собственной силы и собственной мощи. Мы разрабаваем с дѣтским примитивизмом са-

мая сложныя задачи, не понимая ни их значенія, ни их послѣдствій“.

„Недальновидность и оппортунизм заполняют наш сегодняшній день, усиливая ненадежность завтрашняго и постоянную необходимость искать опоры. Не рассчитываем ли и мы все время на „добрую тетю“ с милліонами, независимо от того, будет ли „тетей“ Франція, Москва, или даже Германія, на „тетю“, которая успокоит, приласкает, обеспечит покой и достаток завтрашняго дня, разсѣет всѣ тревоги и огорченія. Мы всегда ждем, чтобы кто нибудь за нас думал, нам навязывал программу завтрашняго дня и план всей жизни. С готовностью мы соглашаемся уступить ему полную отвѣтственность за нас всѣх взамен за нашу беззаботную праздность. Мы же сами, не зная направления и не любопытствуя о том, охотно ограничимся тѣм, что будем смѣрять на сверхчеловѣческія усилія, с какими он будет тянуть нас...“

Свою горячую и горькую статью Р. Врага заканчивает слѣдующими словами:

„Мы не хотим видѣть, что наш „вишневый сад“ уже давно отцвѣлъ, цвѣты его опали и сгнили. Безплодны его деревья, облѣпленные паразитами. Наступил послѣдній срок, чтобы вырубить это жуткое кладбище, называвшееся когда то садом, и пора уж перейти от мечтаній и пустословія к суровой, реальной работѣ, которой никто за нас не сдѣлает — и не имѣет права сдѣлать“.